

Островский А.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 18 т. / редкол.: И.А. Овчинина (гл. ред.) и др. Т. 5: Сочинения, 1866–1873. / Ред. тома И.А. Овчинина, В.В. Тихомиров; подгот. текста и коммент. Е.Н. Белякова, А.А. Виноградов, Н.Л. Ермолаева, К.Ю. Зубков, И.А. Овчинина. Кострома: Костромаиздат, 2022. 320 с.

М.С. Makeev

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; makeev_ms@mail.ru

Аннотация: В рецензии критическому анализу подвергается новейшее полное собрание сочинений А.Н. Островского, в особенности последний из вышедших, 5 том, содержащий исторические драмы.

Ключевые слова: А.Н. Островский; критическое издание; историческая драматургия

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-06-17

Для цитирования: Makeev M.C. Рецензия: *Островский А.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 18 т. / редкол.: И.А. Овчинина (гл. ред.) и др. Т. 5: Сочинения, 1866–1873 / Ред. тома И.А. Овчинина, В.В. Тихомиров; подгот. текста и коммент. Е.Н. Белякова, А.А. Виноградов, Н.Л. Ермолаева, К.Ю. Зубков, И.А. Овчинина. Кострома: Костромаиздат, 2022. С. 5–320 // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 6. С. 190–199.*

Ostrovsky A.N. The complete collection of writings and letters: in 18 vols. / ed.: I.A. Ovchinina (chief editor) and others. Vol. 5: Works, 1866–1873 / Ed. volumes of I.A. Ovchinin, V.V. Tikhomirov; text prepared and commentary by E.N. Belyakova, A.A. Vinogradov, N.L. Ermolaeva, K.Y. Zubkov, I.A. Ovchinina. Kostroma: Kostromaizdat, 2022. 320 p.

Mikhail Makeev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; makeev_ms@mail.ru

Abstract: The review critically analyzes the latest complete works of A.N. Ostrovsky, especially the last published volume, 5, that contains historical dramas.

Keywords: A.N. Ostrovsky; critical edition; period drama

For citation: Makeev M. (2023) Ostrovsky A.N. The complete collection of writings and letters: in 18 vols. / ed.: I.A. Ovchinina (chief editor) and others. Vol. 5: Works, 1866–1873 / Ed. volumes of I.A. Ovchinin, V.V. Tikhomirov; text prepared and commentary by E.N. Belyakova, A.A. Vinogradov, N.L. Ermolaeva, K.Y. Zubkov, I.A. Ovchinina. Kostroma: Kostromaizdat, 2022. 320 p. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 190–199.

Среди событий, приуроченных к 200-летию А.Н. Островского, издание его полного собрания сочинений (далее ПСС), конечно, занимает важнейшее место. Предпринято оно в Костроме, предполагается издать 18 томов, к настоящему времени вышло пять. Отрецензировать все вышедшие тома — задача для нас непосильная. Наша рецензия посвящена пятому тому, вышедшему в 2022 г. К предыдущим томам (особенно часто к 1-му) мы будем обращаться только для прояснения общих принципов издания.

Необходимость нового полного научного собрания сочинений и писем Островского не требуется обосновывать. Последнее собрание (Островский А.Н. Полное собрание сочинений: В 12 т. М., 1973–1980, далее ПСС1973–1980) вышло более сорока лет назад, в эти годы изучение наследия классика продолжалось. ПСС1973–1980, в частности, не содержит всех на сегодняшний день известных текстов драматурга. Например, уже после его выхода были обнаружены оперное либретто «Сват Фадеич» (по пьесе Н.А. Чаева) и статья «<О танце в Испании>». Новое издание призвано, как утверждается в редакционном предисловии в первом томе, восполнить пробелы, а также устранить допущенные предшественниками «различные искажения и неточности» в текстах произведений и учесть «достижения науки об Островском» при составлении комментариев (ПСС. Т. 1. С. 7). Представляя собой новый шаг в издании и комментировании Островского, ПСС сохраняет преемственность по отношению к своим предшественникам. Эта преемственность, к сожалению, распространяется не только на сильные стороны предыдущих собраний, но и на некоторые их слабые места. И среди новшеств текущего издания, насколько можно судить сейчас, есть и чрезвычайно позитивные, и те, что вызывают сомнения.

В рецензируемый том вошли три исторические пьесы Островского — написанные в один год (1866) «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» и «Тушино», а также созданный спустя пять лет (в 1872 г.) «Комик XVII столетия» (более ранние исторические пьесы вошли в четвертый том, «Василиса Мелентьева» (1867), видимо, как написанная в соавторстве с Геденовым, войдет в один из следующих

томов, предназначенных для таких сочинений¹). Между тем, в третьем томе ПСС уже напечатаны три пьесы, написанные в тот же временной промежуток: «На всякого мудреца довольно простоты», «Горячее сердце» (обе 1868) и «Бешеные деньги» (1869). Это связано с тем, что, как и в ПСС1973–1980, в новом собрании выбран жанрово-хронологический принцип расположения материала. В ПСС1973–1980 такое решение никак не объяснялось, в ПСС по этому поводу сообщается только, что «редакция сочла необходимым в отдельные тома выделить исторические пьесы, переводы и переделки, пьесы, написанные в соавторстве с другими драматургами, оперные либретто, статьи, выступления, речи, заметки» (ПСС. Т. 1. С. 8).

Соглашаясь с тем, что решение «обособить» переводы и заметки (и, по традиции, произведения, написанные в соавторстве) вполне естественно, позволим себе усомниться в необходимости выделения в отдельные тома исторических пьес. Такое решение выглядит сомнительно, во всяком случае, требует обоснования. Безусловно, исторические пьесы легко отличимы от «бытовых» произведений Островского по тематике, однако по «методу» вполне им близки (особенно это касается «Тушина» и «Комика», в которых легко увидеть и типичные для Островского сильные женские характеры, и традиционные для него драматургические приемы). Возможно, хронологический принцип был бы уместнее, поскольку исторические пьесы органично входят в соседство не только друг с другом, но и с пьесами, написанными на современном материале. Во всяком случае в прижизненных изданиях сочинений драматурга исторические пьесы в самостоятельные тома не выделялись².

Похоже, заимствован из ПСС1973–1980 и принцип предварять комментарии к каждому тому вступительной статьей, представляющийся нам чрезвычайно сомнительным и отчасти даже вредным. Эта задача вынуждает авторов таких предисловий искусственно превращать объединенную и отделенную от других текстов чистой хронологией группу произведений в специфический «этап» творческого пути писателя. Мы уверены, что вступительной статьи ко всему собранию, в которой можно изложить современные представления о характере творчества издаваемого автора, особенностях его поэтики, этапах творческого пути и (при необходимости) его

¹ В ПСС1973–1980 «Василиса Мелентьева» включена в корпус оригинальных произведений Островского: участие Геденова было сочтено редакцией незначительным, не тянущим на полноценное соавторство — в этом случае редакторы ПСС, на наш взгляд, более последовательны.

² Хронологический принцип был принят и в, несомненно, устаревшем во всех остальных отношениях Полном собрании сочинений Островского в 16 томах (М., 1949–1953).

«значении» для страны, народа и мировой культуры, вполне достаточно для самого требовательного читателя.

Искусственно выглядит и вступление в пятом томе ПСС. Почему три данные исторические пьесы нуждаются в отдельной статье (а три другие — в еще одной), осталось нам непонятным. Кроме того, представленные в статье рассуждения об «особенностях историзма» и «теме народа», «национально-историческом и общечеловеческом планах» не кажутся нам ни необходимыми для понимания пьес, входящих в том, ни содержащими новый или способный обновить их восприятие взгляд. Не дело рецензента советовать авторам, но, возможно, в предисловии (если уж принято решение писать предисловия) стоило осмыслить тот факт, что историческая драматургия — далеко не самая ценная часть наследия Островского. В этом качестве он проигрывает не только Пушкину, но и своим ближайшим «соперникам» — Л.А. Мею и А.К. Толстому (а современники даже предпочитали иногда пьесы совершенно забытого ныне Н.А. Чаева). Практически не имевший равных среди современников в прозаической драме (разве что совсем не плодовитого и малоизвестного при жизни А.В. Сухова-Кобылина), Островский не смог создать историческую стихотворную драматургию такого же уровня, и пьесы, входящие в пятый том, заслуженно редко ставятся сейчас даже в Малом театре. Может быть, уместны были бы соображения о том, почему так произошло: возможно, драматургу не хватало не только исторического воображения и способности концептуально мыслить об истории и исторических процессах, но и просто поэтического дарования, нужного для стихотворного произведения: стих у Островского гладкий, но крайне редко по-настоящему поэтический, не изобилует запоминающимися строками и образами (только в «Снегурочке», занимающей уникальное место в творчестве драматурга, он возвышается до подлинной поэзии). Признание этого факта позволило бы во вступительной статье острее и содержательнее поставить вопрос о том, почему эти пьесы были так важны самому автору и вызывали у него такое удовлетворение (ответ, заключающийся в том, что самолюбивому гению нравились практически все его произведения, будет слишком простым), почему ему требовалось расширить свой тематический диапазон.

До сих пор шла речь, конечно, о не самых важных сторонах рецензируемого собрания. Центральной задачей научного издания является представление самих текстов в максимально аутентичном, соответствующем последней авторской воле виде. Решение этой задачи представляет в случае драм Островского определенные сложности, поскольку применимость к ним классического требования использовать последнее прижизненное издание (или то, после ко-

того автор перестал вносить в текст значимую правку) в качестве основного источника вызывает серьезные сомнения. Суть проблемы редакция ПСС видит таким образом (фактически повторяя в этом издателей предшествующего собрания): «Для драматурга первой “публикацией” его очередной пьесы была премьера спектакля; в журнал, как правило, отправлялась писарская копия произведения. Завершив работу над нею, автор с помощью переписчиков готовил текст в нескольких экземплярах (для цензуры, московского и петербургского театров и для печати). Писари невольно вносили в текст мелкие искажения, которые он не замечал при беглом просмотре копий. Далее совершали новые ошибки типографские наборщики, а Островский, даже читая корректуры, иногда пропускал возникшие искажения и тем самым как бы подтверждал эти изменения. Кроме того, отсылая пьесу в журнал, писатель нередко вовсе не читал ее корректуру, доверяя это дело своим петербургским друзьям — С.В. Максимову или И.Ф. Горбунову. Точно так же он устранился от участия в работе над последующими переизданиями своих произведений, передоверяя это приятелям.

Собрания сочинений выходили при жизни драматурга, но бесспорно установлено, что лишь для первого издания (Сочинения А. Островского. Т. 1–2. СПб.: Изд. гр. Г.А. Кушелёва-Безбородко, 1859) Островский специально пересмотрел и исправил тексты ранних пьес (комедию «Свои люди — сочтемся!» вопреки своей воле, под давлением цензуры)» (ПСС. Т. 1. С. 5).

Как мы поняли, из этого следует, что ни одно из прижизненных изданий пьес Островского (кроме первого) нельзя признать «аутентичным», каждое последующее только ухудшало текст, приносило в него неавторизованные и, вполне возможно, случайные, основанные на ошибках публикаторов и переписчиков изменения. Более того, до некоторой степени сама аутентичность печатного текста в случае драматургии Островского оказывается сомнительной, условной. Видимо (если, конечно, не решиться на какой-то революционный шаг — скажем, печатать тексты по авторизованной театральной копии), в таком случае «наименьшим злом» будет печатать (внося необходимые конъектуры по другим источникам) все пьесы (кроме вошедших в издание 1859 г.) по первой журнальной публикации, в которой хотя бы меньше опечаток, чем в последующих. В тех же случаях, когда в качестве основного будет выбран другой источник, — подробно обосновывать такое решение.

Издатели ПСС1973–1980, видимо, пошли именно по такому пути (правда, никак это не оговорив) — все три пьесы в этом издании (там они входят в 7 том) напечатаны по первой журнальной публикации. Редакция ПСС поступила иначе. В уже цитировавшейся

преамбуле читаем: «Печатаются они <произведения Островского — М.М.>, как правило, по последнему авторизованному изданию с учетом тех исправлений, которые были сделаны Островским в рукописных источниках, в авторизованных писарских копиях, а также текстологами, работавшими над созданием других собраний сочинений, в отдельных случаях — по первым публикациям» (ПСС. Т. 1. С. 8). Признаемся, мы не находим в этом пассаже никакого смысла: что означает, в свете высказанного самой же редакцией абзацем выше утверждения о неавторизованности любого прижизненного издания, «последнее авторизованное издание», к тому же противопоставляемое «первым публикациям», на которые предполагается опираться в «отдельных случаях»? Видимо, это значит, что выбор основного источника предоставляется каждому публикатору делать по своему усмотрению. Так, очевидно, получилось и в рецензируемом томе, в котором все три входящих в него пьесы напечатаны, на первый взгляд, по разным источникам.

По первому журнальному изданию (Всемирный труд. 1867. № 1) напечатано здесь только «Тушино». Его текст в ПСС практически идентичен ПСС1973–1980: здесь даже приняты те же немногочисленные поправки по беловому автографу (кстати, мы заметили досадную небрежность в текстологической части комментария к хронике: почему-то в списке источников пропущена «Авторизованная писарская копия», при этом в разделе «Другие редакции и варианты» имеющиеся в ней разночтения с основным тестом «Тушина» приведены). «Комик XVII столетия» (впервые: Отечественные записки. 1873. № 2) напечатан по изданию А.А. Краевского (*Островский А.Н. Собрание сочинений*: в 8 т. Т. 8. СПб., 1874), и только в этом случае в текстологической части комментария дается пояснение, почему выбран именно этот источник: «Текст комедии, опубликованный в “Отечественных записках”, имеет ряд опечаток, в частности, три одинаковых заголовка во II действии (три шестых явления вместо 6-го, 7-го и 8-го явлений). Опечатки исправлены при первой публикации комедии в собрании сочинений драматурга (*Островский А.Н. Собрание сочинений*: в 8 т. Т. 8. СПб.: Изд. А.А. Краевского, 1874. С. 121–201). В остальных прижизненных изданиях пьеса печаталась без изменений» (ПСС. Т. 5. С. 616). Очевидно, однако, что в издании Краевского в тексте пьесы были-таки сделаны новые опечатки, которые исправляются по тексту первой публикации. Выбор источника поэтому выглядит несколько субъективно, серьезных причин уклониться от принципа придерживаться первого издания не видно.

Что касается «Дмитрия Самозванца и Василия Шуйского» (впервые: Вестник Европы. 1867. Т. 1), то эта хроника напечатана в ПСС по источнику, обозначенному как «Островский А.Н. Собрание со-

чинений: в 9 т. Т. 5. СПб., 1880». Однако указания на существование такого издания в преамбуле к ПСС нам обнаружить не удалось. После короткого расследования мы узнали, что имелось в виду то же собрание Краевского, по которому напечатан «Комик...». Описание этого издания в преамбуле к ПСС имеется, правда, редакция почему-то умолчала о вышедшем в 1884 г. дополнительном 10-м томе. Почему редакция в данном случае сочла издание Краевского более «авторизованным», чем журнальная публикация и собрание Кожанчикова (1867–1870), в комментарии не объясняется.

Если в случае текстов «Тушина» и «Комика...» о значительных новациях по отношению к предыдущему изданию говорить не приходится, то текст «Дмитрия Самозванца...» отличается от того, что напечатан в ПСС1973–1980, достаточно существенно. Отличия, однако, обусловлены не столько выбором другого источника (они очень близки, к тому же в некоторых случаях издатели ПСС предпочитают чтения «Вестника Европы»), сколько уменьшением количества сделанных по рукописям и автографам исправлений. Если в ПСС1973–1980 сделано 23 исправления, то в ПСС — всего 5. Наиболее крупные фрагменты, от которых отказались издатели ПСС: 1) начало реплики Басманова из третьей сцены первой части: «Привыкли мы царицы грозны очи, / Как божие всевидящее око, / Над головой своей поклонной видеть / И выполнять лишь грозные приказы, / Грозящие неумолимой карой» (перед словами «Ты милостью себя навек прославишь»); 2) фрагмент из первой сцены второй части:

Нет, если б я...

Мстиславский

Царем-то, что ль?

Василий Шуйский

К примеру

Я говорю. Я б рассуждал иначе

(после строки «А мы в чужом пиру похмелье примем»); 3) строка из монолога Дмитрия из третьей сцены первой части («Здесь мрак тюрьмы и святость старой церкви» — после строки «Из темной позолоты стен угрюмой»). О том, насколько получившийся в результате текст точнее соответствует последней авторской воле, судить трудно: в новом издании (как и в предыдущем) нет никаких аргументов не только в отношении выбора источника, но и в отношении сделанных исправлений (или отказа от них).

Если по указанным причинам преимущества ПСС перед предшествующим собранием в установлении основного текста не выглядят очевидными, то того же нельзя сказать о разделе «Другие редакции и варианты». В ПСС1973–1980 варианты даются выбороч-

но, в ПСС приведен полный свод и расшифровка всех имеющихся автографов и рукописей, а также все разночтения по всем прижизненным изданиям. Судить о том, насколько хорошо выполнена коллективом профессионалов эта трудная работа, мы, конечно, не можем. Нет сомнения, однако, в том, что для современных и будущих исследователей Островского эта часть издания представляет очень большую ценность. Существенно более подробно, чем в ПСС1973–1980, реконструирована и изложена в ПСС история создания текстов, часто сложная и «нелинейная» (особенно это касается «Дмитрия Самозванца»). Опять же судить об этом трудно, но создается ощущение, что издатели погрузились в текст очень основательно, что мы имеем дело с работой коллектива, отлично освоившего и почерк Островского, и приемы его работы.

Значительно по сравнению с ПСС1973–1980 в ПСС расширен раздел комментария, посвященный прижизненной критике. Видимо, издатели постарались отразить все, что писалось о пьесах Островского в печати, учитывались и «частные» отзывы близких к драматургу лиц. В некоторых случаях изложение суждений критиков выглядит субъективным (издатели всегда «на стороне» Островского и признать правоту некоторых критических оценок не готовы), но, видимо, полная объективность в таком случае и невозможна. Очень ценная часть комментария — история сценической жизни пьес Островского. По сравнению с ПСС1973–1980 в новейшем издании информация о ней существенно расширена, дополнена критическими отзывами на спектакли, хотя и по-прежнему ограничивается обзором преимущественно прижизненных постановок.

В несколько раз увеличен в ПСС реальный комментарий. Нельзя не признать, что это расширение необходимо и полезно. Новые комментарии, проясняя для читателя встречающиеся в пьесах исторические реалии, многие из которых были пропущены в ПСС1973–1980, позволяют лучше понять, насколько основательно подходил Островский к изучению изображаемой эпохи, и одновременно показывают некоторую «перегруженность» реалиями, свойственную его исторической драматургии. Например, вполне проходной персонаж, «дьяк из приказа», названный, казалось бы, просто стандартным именем с оттенком архаики Тимофей Осипов, оказывается, мог быть извлечен Островским из исторических источников: «По воцарении Лжедмитрия дьяк приказа Устюжской чети Тимофей Осипов был в числе недовольных его образом жизни, отличался особым благочестием. После женитьбы Лжедмитрия на Марине Мнишек 17 мая 1606 г., явившись к Лжедмитрию, начал упрекать его в том, что он не царь, а вор и изменник. Дворцовая стража убила дьяка

и выбросила его труп за окно», — сообщают нам комментаторы (ПСС. Т. 5. С. 580).

Поиск соответствий в исторических источниках, как показывает данный комментарий и многие ему подобные, часто очень продуктивен, но некоторые его результаты выглядят спорными. Так, например, комментатор полагает, что нашел своего рода «прототипов» главных героев хроники «Тушино»: «*Редриков* — фамилия героев пьесы была взята Островским из истории г. Переславля-Залесского. Члены многочисленной семьи Редриковых участвовали в событиях периода Смуты, сражаясь как на стороне войска Василия Шуйского, так и на стороне войска пана Лисовского и Яна Сапеги (см.: *Смирнов М.И.* Смутные годы XVII в. в Переславле-Залесском. М., 2004. С. 5)» (Там же. С. 605). Конечно, хотелось бы, чтобы комментатор представил какие-то аргументы в пользу того, что деяния многочисленной семьи Редриковых были известны Островскому (хотя совпадение, конечно, очень впечатляет).

Нельзя не признать, что расширение комментария не всегда выглядит разумно. Приведем лишь несколько примеров: «*Костёл — католический храм*» (Там же. С. 589); «...*царя Ивана / Мучительство...* — Имеется в виду Иван IV Васильевич (1530–1584), за свою жестокость прозванный Грозным» (Там же. С. 595), или «...*сила Александра / И Цезаря...* — Имеются в виду царь Македонии Александр Македонский и один из основателей Римской империи Гай Юлий Цезарь» (Там же). Нам трудно представить себе читателя полного собрания сочинений, не знающего, что такое костел, не способного в жестоком «царе Иване» распознать «Ивана IV Васильевича», а в «Александре» — «царя Македонии», а также требующего разъяснения того, какой Цезарь имеется в виду.

Изображая события столь удаленного времени, Островский как исторический драматург опирался не только на источники, давшие ему фактографию, но и на свои собственные или принадлежащие историкам трактовки событий, мало или противоречиво отразившихся в документах, гипотетические их реконструкции, на концепции развития конкретных исторических эпизодов и истории России в целом. Эта сторона текста тоже закономерно и необходимо стала предметом комментария в рецензируемом томе. В комментариях много отсылок к трудам Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, Н.М. Костомарова и других крупных историков, писавших о Смутном времени, чьи работы были знакомы Островскому. Встречаются, однако, иногда (с удовольствием отметим — редко) неудачные формулировки, выглядящие так, как будто комментаторы опираются на свои собственные исторические концепции («*Он вскормленник прямой панов хвастливых!* — Речь идет о том, что Лжедмитрий был воспитан

в Польше с целью захвата власти в Москве, о чем веками мечтало польское панство» (Там же. С. 582)), верования («...у гроба / Угодника. — Видимо, речь идет о Святителе Леонтии, епископе Ростовском, одном из выдающихся архипастырей XI в. земли Русской» (Там же. С. 606)) и суеверия («И книгу-то, вся чёрная. — Все видели, и доски по сажени, / И пятеро поднять её не могут. — “Черными книгами” с описанием приемов “черной магии” пользовались так называемые “чернокнижники”, т. е. колдуны, маги, шаманы» (Там же. С. 609)). Невозможно было, конечно, обойтись и без забавных ляпсусов, претендующих на то, чтобы войти в историю жанра. Так, о Марине Мнишек говорится, что она стала женой «следующего самозванца, Лжедмитрия II, выдававшего себя за первого» (Там же. С. 590).

Официальный тираж — 300 экземпляров. Мы позволим себе усомниться в соответствии даже этого скромного числа реальности. В «бумажном» виде книгу достать совершенно невозможно не только в продаже, но даже в крупных библиотеках (например, Библиотеке МГУ). В электронном виде том выложен на сайте Пушкинского Дома в формате, трудном для «простого чтения», предназначенном скорее для читателей-профессионалов. Не беремся судить, о чем это «свидетельствует», но не можем не пожалеть о том, что новое научное издание произведений создателя национального театра совершенно (во всяком случае, пока) недоступно простому читателю, которому (конечно, как и историку литературы) мы бы его в противном случае охотно порекомендовали.

Поступила в редакцию 02.09.2023

Принята к публикации 17.10.2023

Отредактирована 11.11.2023

Received 02.09.2023

Accepted 17.10.2023

Revised 11.11.2023

ОБ АВТОРЕ

Макеев Михаил Сергеевич — д.ф.н., профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; makeev_ms@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Mikhail Makeev — Hab. Doct. in Philology, Professor, Prof. of Department of Russian Literary History, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; makeev_ms@mail.ru